

С.М.Лойтер
(Петрозаводск)

ОБ ОДНОМ МИФОПОЭТИЧЕСКОМ МОТИВЕ (ВОДА) В ТРАДИЦИОННОМ ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Традиционный детский фольклор, известный нам по записям со второй половины XIX и XX в., являет собой самостоятельную и самобытную область народной культуры, а точнее поэтического творчества. Это в основе своей сфера художественная. Игра, забава, потеха, развлечение — именно в таком качестве разные формы и жанры старинного детского фольклора бытовали и продолжают бытовать в обозримое время. Иными словами, главная его функция эстетическая, а язык детского фольклора (и того, что создано взрослыми для детей, и того, что создано самими детьми) — это язык искусства, язык поэзии, которая вышла из «древнего синкретизма», прошла многовековой путь развития, начавшийся еще в доисторическое время. «То, что ныне сделалось образом, прежде было делом веры, знания». (Веселовский А.Н. Историческая поэтика. — Л., 1940. — С. 402).

Сразу оговорюсь: мною используется известный общерусский фонд детского фольклора, однако преобладают примеры (за исключением тех случаев, когда материал их не содержит) из детского фольклора Карелии, Архангельской, Вологодской, Новгородской, Мурманской областей. Объем публикации позволяет остановиться только на одном жанре.

В самые первые дни бытия, наряду с колыбельной песней, к ребенку обращены коротенькие — от двух до восьми строк — стихи, которыми мамы сопровождают пеленание и купание ребенка. Это так называемые пестушки, исполняемые речитативом в такт движениям. Выделю среди них те, что содержат мотив воды: «С го голя вода, // с Вовы худоба // Сна и покоя, // Доброго здоровья»; «Как с гуся вода, // А с Сережи худоба. // Намоем сынку ноженьки // И пустим по дороженьке, // Намоем ему ручонки, // Чтобы сильным был мальчонка. // Намоем ему личико, // Что б хорош был в обличии» (Русский детский фольклор Карелии. — Петрозаводск, 1991. — № 105 — 106). Оба текста записаны в районах Карелии в 1987 г. от пожилых женщин, не сопроводивших их каким-либо комментарием и связавших лишь с купанием. Варианты этих потешек, помещенные в публикациях П.С.Ефименко (Архангельская губерния), П.В.Шейна, О.И.Капицы, не содержат никаких других по-

яснений, кроме слов «при купании приговаривают». Произносимое с целью благопожелания ребенку стихотворение-заклинание оторвалось от самого обряда со всеми действиями и словами, которые выражали веру в магическую силу и свойства воды.

К воде как «первоначально, исходному состоянию всего сущего», «началу всех вещей» (С.Аверинцев) издревле сложилось особое отношение у многих народов мира. «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся...», «...и сотворил Бог рыб больших и... животных пресмыкающихся, которых произвела вода» (Бытие 1, 20, 21). О признании великого значения воды мифологиями всех народов пишет С.Максимов, называя воду «царицей» (Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. — М., 1989. — С. 136). О животворящей, целительной силе, приписываемой воде, говорят Фрэзер и Афанасьев. «Славяне, как и большинство других народов, осмыслили воду как всеобщее порождающее начало... С помощью воды, как и с помощью огня, достигалось очищение человека, обновление его материального и духовного естества...» (Топорков А.Л. Вода // Родина. — 1994. — № 1. — С. 108).

Именно с этой верой в животворящую, обновляющую, целительную, благодатную силу воды связаны многочисленные обряды у разных народов мира. Один из них описывает А.Н.Афанасьев: по утрам сербы купаются в воде, принесенной в сосудах в канун Юрьева дня со словами: «Да отрясется и отпадет от тела все злое и вредное...» (Афанасьев А.Н. Дерево жизни. — М., 1982. — С. 87). «Прощения у воды» испрашивают больные и обездоленные в обрядах, описанных С.Максимовым. Подробно комментирует обряд «смывания болезни» у разных народов Н.Познанский и приводит сопровождающие его заговоры, молитвы, просьбы-заклинания. (Познанский Н.Ф. Заговоры. — М., 1995. — С. 228 — 230). К «воде-матери», «матушке-воде» обращались в заговорах Пудожского края в прошлом веке (см.: Мансикка В. Заговоры Пудожского уезда Олонекской губернии // Живая старина. — СПб., 1912. — Вып. 1). Приведу заговор, записанный мною в 1980 г. в деревне Лехнаволок Прионежского района от восьмидесятитрехлетней Т.А.Харлашкиной: «Водица — матушка Олена, обмыла все пеня, коренья, дремучие леса, крутые берега. Так смой (имя такого-то) тоску и кручину на сыру землю, с буйной головы, с-под ясных очей, с белого тела, с ретивого сердца. Не тоснул бы он, не гинул по такой — то душе. Едой бы наедался, питьем напивался, гульбой нагуливался, сном забавлялся. Проснулся бы да пробудился».

В записанном П.С.Ефименко в прошлом веке в Архангельской губернии заговоре «Для чистоты тела ребенка» называются и сопутствующие ритуальные действия: «Обливают или окачивают младенца во-

дою, приговаривая: « С гоголя вода, с младенца (имя рек) вся худоба, вода под пол, младенец на пол». Это делается большею частью в бане». (Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии... // ЭО ОЛЕ АЭ. — М., 1878. — Вып. 11. — С. 199).

Сакральный, магический смысл и веру в животворные свойства воды сохраняют заговоры, записанные в конце XX в. Большинство заговоров, обращенных на ребенка (от детских недугов — исполоха, сглаза, урока, полуночницы и т.д.), заговоры-обереги детей сопровождаются приговорами к воде, обливанием, обмыванием, поливанием водой каких-нибудь предметов (см.: Традиционная русская магия в записях конца XX в. / Сост. С.Б.Адоньева, О.А.Овчинникова. — СПб., 1993). «Приговор к воде, когда обмывают ребенка»:

«Водичка кипучая,
Девочка ли мальчик,
Был бы растучий».

Бабка возьмет воды через локоток, так на руку возьмет и спускает: «Как на локоточке не держится вода, // Так на деточке не держались // Плетучие уроки, родимцы, переполохи. // Искупи, переступи» // Локтем крестят ребенка, вода каплет с локтя» (№ 222). «Детей в бане моют. Дверцу печи откроют, до ночи прогреют, сунут туда». «Вода кипуча, // Младен растучий, // Водичка вниз покатись, // Сашенька вверх подрастись». Потом спят хорошо, не плачут» (№ 223). Ср. с детской потешкой, записанной П.В.Шейном: «Вода текучая, // Дитя растучее. // С гуся вода — // С тебя худоба. // Вода книзу, // А дитя кверху». (Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах... — Т. 1. — Вып. 1. — СПб., 1898. — № 36).

И снова заговоры в записях конца XX в. От урока (сглаза) ребенка: «От своей думы, от своей крови, // Чур, мою думу, чур, мою кровь. // С гуся вода, с лебеда вода, // С раба Божия (имя) худые слова» (№ 329).

Но вернемся к детской пестушке с мотивом воды и приведем еще несколько примеров: «С гоголя — вода, // С младенца — вся худоба! // Вода — под пол, // Младенец — на пол. «(Шейн, № 137, Новгородская губ.); «С гоголя — вода, // С гоголихи — вода, // Сон да легота — // Доброе здоровье!» (Капица О.И. Детский фольклор. — Л., 1928. — С. 175, Вологодская губ.); «С гуся — вода, // С лебеда — вода, // А с Ефима — худоба» (Мельников М.Н. Русский детский фольклор. — М., 1987. — № 98).

Сопоставление заговоров, сопутствующих обрядам с водой, и детской пестушки позволяет проследить, как «психофизический катарсис» древнего ритуала «переходит в эстетический» (Веселовский А.Н. Исто-

рическая поэтика. — С. 214). Обряд утратился. Из него выделился, вернее от него остался лишь параллелизм, «усматриваемый человеком между ним и природой» (Н.Познанский). Как мы имели возможность убедиться, большинство пестушек — это параллелизм в чистом виде. И он стал не только первоисточником поэтического образа, но единственной и «основной фигурой архаической поэзии» (Мелетинский Е.М. Поэтическое слово в архаике // Историко-этнографические исследования по фольклору. — М., 1994. — С. 95), которую представляет этот жанр «лирики материнства». И это пример того, как лирика вырастает из обряда. Отрываясь от обрядового действия, слово десакрализуется. И как складное, формульное, ритмичное оно выкристаллизовывается и начинает жить самостоятельной жизнью. Оно переходит в область чистой поэзии, у истоков которой стоит миф.